

Владимир Короткевич

ЧЁРТОВ КЛАД

В одном прекрасном краю, который лежит чуть поближе к Солнцу и чуть подалее от Луны, в краю, богатом золотыми нивами, прозрачными реками, синими озёрами да тёмными пущами... Словом, в том краю, где мы с тобой живём, стояла, а может, и ныне стоит одна хата.

А жил в той хате крестьянин по имени Янка. Здоровый, что зубр, добрый и не шибко мудрый. Было у него пятьдесят сыновей, сорок волов и кошка. Ну, может, не пятьдесят сыновей, а трое, не сорок волов, а два. А вот кошка была, это уже можете мне поверить. Полосатая. С четырьмя лапами. С одним хвостом.

Пахал Янка землю, пас коров и облака. И жил бы совсем хорошо, если бы не свалилась на него беда.

Было это давно. Так давно, что на Белой Руси еще черти водились. И у каждого из тех чертей было своё место работы.

Один жил в воде, пас шук, линей да окуней. Был зелёным и косматым, весьма напоминающим кучу тины. Звали его Водяной.

Другой жил в лесу, пас оленей и был похож на обросший мохом пенёк. Если встретишь, ни за что не отличишь. Звали его Леший.

Но был и третий, который жил по хатам и пас сверчков. Это был самый вредный. Рожки у него были, как у козочки, зубки, как чесночок, хвост, как помело.

И облюбовал этот чёрт хату Янки. И не то чтобы со злости пакостил, а просто был проказник. Только от тех проказ Янке плакать хотелось. Ещё бы! Ты ведь тоже не со зла озорничаешь? Ну вот, а родители иногда плачут. Нехорошо!

Не стало в доме от чёрта покоя! Позаплетают коням гривы так, что потом не расчешешь, а думают на сыновей. Сливки с молока слижет, а думают на бедную кошку. Порой в стужу так завоюет в трубе, что у людей мороз по коже и страшно во двор выходить. Или заберётся в трубу, съедет по ней и насыплет в щи сажи.

А то вынут из печи пирог и удивятся: на пироге маленький отпечаток. Это чёрт на горячее тесто отдыхать садился. Грелся с мороза.

Совсем не стало житья. Янка шёл ночевать, даже в холода, на сеновал. Чуть бедных детей не поморозил. И решил, в конце концов, из-за проделок чёрта забить хату досками и подаваться с детьми, лошадьми, волами и кошкой на край света. Покинув свою родину, тёмные пущи, светлые реки да чистые воды. И стало бы на Белой Руси меньше ещё на одну крестьянскую хату, когда бы не послышались однажды вечером на дороге тяжёлые шаги.

Тупу-тупу-тупу,
 Несёт Мишка ступу.
 В ступе вперемешку
 Сахар и орешки,
 Конфеты-грильяжки
 В золотой бумажке.
 Без тропинок Мишка
 Несёт всем детишкам
 Сладкую ступу.
 Тупу-тупу-тупу...

Шёл поводирь с медведем. Ходили они от села до села.

Поводырь песни пел и играл на цимбалах. А медведь показывал, как бабы воду носят да как дети горох воруют. И этим они с медведем добывали себе на пропитание.

– Здоров, Янка. Непустишь ли нас с Мишей переночевать? – спросил поводирь.

– Мне что? Ночуйте, – ответил Янка. – Только я сам на сене сплю.

– А что такое?

– Да завёлся у меня в хате чёрт. Так проказничает, что спасу нет. Веришь, на пирогах отдыхает. В трубе воеет. И иногда, в тёмные ночи, что-то в подпечке, как жар, горит. Страшно.

– Э-э, – сказал поводирь. – Не все же такие глупые, как твоего отца дети. Чтобы поводирь, да ещё с медведем, и чёрта испугался?! Не бывало такого на свете.

– Ну иди. Щец похлебай. Там ещё горшок с пареной репой стоит, так, коли ничего за ночь не случится, то утром подкрепишься. А я на сено. Как стемнеет, я в хату ни ногой – боюсь.

Ну вот, похлебал поводирь щей, покормил Мишку да завалился дрыхнуть на лавке. А медведь улёгся возле печи и задал храповицкого.

Это было так давно, что на Белой Руси ещё картошка не водилась. Вместо картошки парили репу или брюкву. И вот спит поводирь и видит сон, как он утром репой лакомится.

Едва глухая ночь настала – чёрт тут как тут. Скатился по трубе, подняв тучу сажи, и принялся, воришка эдакий, шарить в печи. Как говорится, ты за порог, а он за пирог. Поднял крышку. Повеяло сытым духом.

«Ага, репа. Как раз то, что мне нужно. Я репу люблю».

Но в печи темно, как ... в печи. Тогда чёрт отодвинул заслонку, выволок горшок на припечек, сел, свесив ноги, и стал уплетать сладкую пареную репу, а кожуру вниз бросать.

«Ничего, хозяйка завтра подметёт. Надо, чтобы и у неё была работа».

Упала одна кожуринка медведю на нос, и тот проснулся. Слизал с носа – вкусно. И стал Мишка обнюхивать темноту, находить кожуру и чавкать.

Чёрт услышал, что внизу кто-то облизывается и чавкает. А он знал, что в доме, кроме кошки, никого нет. И вот какая-то там кошка чавкает и сопит, и не дает ему, чёрту, спокойно лакомиться чужой репой.

Повернулся он и пихнул кошку ногой.

– Апсик! Апсик, гадость такая!

Ну вот. А медведь это тебе не кошка. И я не советую давать медведю пинка.

Обиделся Мишка. Стрѐб чёрта в охалку, стащил с припечка и давай его мять, давай его уютжить, давай его вертеть да колошматить, давай обхаживать, лупить, молотить да дубасить, давай драть как Сидорову козу да бить смертным боем.

Еле вырвался чёрт из медвежьих объятий. Взлетел на припечек. Кое-как вскарабкался по трубе. Скатился с крыши да и рванул подальше от хаты. В пушу, как угорелый.

А медведь, задав чёрту перцу, снова заснул как пшеницу продавши.

Утром все встали и подумали, что это медведь репу ел. Удивились, что не побоялся лезть в горячую печь, и обрадовались, что съел совсем немного. Что ж, медведь не первый и не последний на свете отдувался за чужие грехи.

Потом доели то, что осталось в горшке. Медведь на прощанье поплясал детям. И пошли они с поводырём снова от местечка до местечка, от села до села. Под солнцем и дождём.

Тупу-тупу-тупу,
Несёт Мишка ступу...

Однако с той поры чёртовы проказы как ножом отрезало. Кони здоровы, сажи в щах нет, на пирогах никто не отдыхает. В трубе, правда, иной раз кто-то воет и в подпечке что-то светит, но это уже терпеть можно. Раздумал Янка бросать свою хату.

Но на этом история не окончилась, не думайте. Однажды на исходе лета пахал Янка свой клин под озимь. Вдруг видит, из-под туч, из-под самого окоёма, кто-то идёт к нему по пашне. Пригляделся – ба, старый знакомый, чёрт.

Идёт, мокрый как цуцик. На каждом копыте по пуду глины налипло. Под носом от холода висит большущая капля. А носового платка у него же нет. Как и у тебя иной раз, когда дома забудешь. А копытом не очень высморкаешься. Идёт такой несчастный, такой убогий, что Янке стало жаль его:

– Ты куда держишь путь?

– А никуда, – сказал чёрт. – Куда глаза глядят.

Помолчали. Потом чёрт спрашивает:

– А скажи ты мне на милость, у тебя ли всё ещё та кошка?

Янка был человеком не шибко мудрым, да и не ведал, о какой кошке речь.

– А где ж ей быть, – говорит. – Ясно, что у меня. Да ещё и шестерых котят принесла.

– И все в мать?

– Ага. Все полосатые, с четырьмя лапами, с одним хвостом.

– С лапами, с лапами, – сказал чёрт. – Запомнил я эти лапы. Ей-богу, шестеро!

Ну, в таком случае, я никогда к тебе не приду. А надо было бы. Очень.

– Это почему?

– Да закопал я у тебя под печью казан с золотом. Клад. И не мешало бы выкопать, да как твою кошку вспомню – бр-р-р! – ну его. Пускай пропадает.

– Ты, как холодно станет, приходи. Глядишь, репу сваришь, детей покачаешь.

– Ну нет! Кошки боязно. А репы я теперь до самой смерти в глаза бы не видел!

Да и потащился полем, под дождём, с трудом вытягивая из грязи пудовые ноги. Эдакий бедный горемыка.

А Янка допахал клин и пошёл домой. И только там вспомнил, как в подпечке что-то светилось, и чёрт про клад говорил.

Стали копать в подпечке и – на тебе – выкопали большущий закоптелый казан с золотом и червонцами. Точно жар разлился свет по дому.

Так уж светило, так палило, так пекло, что все раздеваться стали.

Чёрт после того в сильные морозы всё же приходил. Только просил кошку в чулан выбрасывать. Щи варил Янке и детей качал. С той поры и пошла поговорка: «Счастливому и чёрт детей качает».

А на тот чёртов клад поставил Янка себе и всей округе новые дома, амбары, сараи, новые конюшни. Сады посадил, мельницу построил.

У всех крестьян по сорок сыновей и дочерей, по сорок лошадей и волов. И все дома, точно звон. И в каждой хате на окне, на солнышке, лукошко. А в каждом лукошке кошка, у каждой кошки по шестеро котят. Вот счастье так счастье!

И потому, если ты живешь счастливо и радостно, никогда не дразни медведя в зверинце и не бросай в кошку не то что камнем, а даже мягким комком земли. Ведь это же они сделали давным-давно так, что тебе хорошо. Да и вообще ни в кого ничем не бросай и никого не дразни.

Тогда всем будет хорошо на этой прекрасной земле, которая лежит чуть ближе к Солнцу и чуть подальше от Луны. Люди будут работать, кошки будут мяукать, а медведи носить тебе и всем другим детям сладкие ступы...

Тупу-тупу-тупу...

Владимир Семёнович Короткевич (1930–1984) – классик белорусской литературы, поэт, прозаик, драматург, сценарист, публицист, одна из наиболее ярких фигур в национальной литературе XX столетия. В своем творчестве, отличающемся романтической направленностью, высокой художественной культурой и гуманистическим звучанием, глубоко мифологическом и метафоричном, писатель обращался к фольклору, как духовной сокровищнице народа. Короткевич существенно обогатил белорусскую литературу в тематическом и жанровом отношении, наполнил её интеллектуальным и философским содержанием. Наиболее известны такие произведения В. Короткевича, как романы «Колосья под серпом твоим», «Христос приземлился в Гродно», «Черный замок Ольшанский», повести «Дикая охота короля Стаха», «Седая легенда», «Цыганский король», «Оружие», эссе «Земля под белыми крыльями».

